

Хуан Ифань

**Языковая репрезентация эмоционального концепта «СТЫД»/«羞耻»
в китайской и русской лингвокультурах**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Научный руководитель: **Волкова Яна Александровна,**
доктор филологических наук (10.02.19), доцент, профессор
кафедры теории и практики иностранных языков Института
иностранных языков ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Официальные оппоненты: **Ионова Светлана Валентиновна,**
доктор филологических наук (10.02.19), профессор,
профессор кафедры общего и русского языкознания
ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им.
А.С. Пушкина»

Лобанова Татьяна Николаевна,
доктор филологических наук (10.02.19), доцент, профессор
кафедры индоевропейских и восточных языков ФГАОУ ВО
«Государственный университет просвещения»

Уфимцева Наталья Владимировна,
доктор филологических наук (10.02.19), профессор,
профессор кафедры общего и сравнительно-исторического
языкознания филологического факультета ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»

Защита состоится «13» февраля 2026 г. в 13.30 на заседании диссертационного совета ПДС 0500.006 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2, ауд. 535.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru> и <https://www.rudn.ru/science/dissovet/dissertacionnye-sovety/pds-0500006>.

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета ПДС 0500.006
кандидат филологических наук, доцент

С.С. Микова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию вербализации эмоционального концепта «СТЫД»/«羞耻» в китайском и русском языках и выполнена на стыке нескольких лингвистических дисциплин – когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, эмотиологии и психолингвистики.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими факторами:

– усилением интереса к изучению эмоций и средств их репрезентации в различных языках и культурах;

– необходимостью устранения пробела в сопоставительном лингвокультурном изучении концепта «СТЫД», так как, несмотря на общую разработанность теории лингвокультурных концептов, эмоциональный концепт «СТЫД» в русской и китайской лингвокультурах остается недостаточно изученным в сопоставительном аспекте.

Степень научной разработанности темы тесно связана с теорией концепта, эмоциональными концептами и их репрезентацией в языке.

Основополагающей работой в области теории концептов по праву считается труд С.А. Аскольдова «Слово и концепт» (1928), где впервые в отечественной науке было дано системное определение концепта как «мысленного образования».

Дальнейшее развитие теория концептов получила в работах Д.С. Лихачева (1993), Ю.С. Степанова (1997), Е.С. Кубряковой (2004), В.И. Карасика (2004), В.А. Масловой (2001) и др. Концепт рассматривается как сложная ментально-языковая единица в рамках когнитивного [Кубрякова, 1996; Попова, Стернин, 2001, 2006; Лихачев, 1993], лингвокультурологического [Карасик, 2004; Воркачев, 2006; Степанов, 1997] и философского [Неретина, 2009; Делез, Гваттари, 1998; Колесов, 2002] подходов.

Изучение эмоциональных концептов как особого типа ментальных образований представлено в работах по эмотиологии [Ионова, 2019; Красавский, 2001; Леонтьев, 2000; Покровская (Волкова), 1998; Чесноков, 2008; Шаховский, 1996; 2008].

Значительный вклад в понимание природы эмоций и эмоциональных концептов внесли труды А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1997, 1999], разработавшей теорию эмоциональной таксономии культуры.

Стыд как базовая человеческая эмоция изучается в трудах по психологии эмоций [Изард, 1999, 2000; Ильин, 2001; Lewis, 1971, 1993].

Лингвистическая репрезентация концепта «СТЫД» изучается в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Одной из первых к изучению стыда в лингвистическом аспекте обратилась А. Вежбицкая, которая рассматривала стыд как универсальный, но культурно-

обусловленный концепт, вербализованный в разных языках через различные семантические структуры [Вежбицкая, 1999, 2001].

В Московской семантической школе [Апресян, 1995; Арутюнова, 2000; Шмелев, 2002; Урысон, 2000] стыд анализировался в рамках системной лексикографии и интегрального описания языка. Н.Д. Арутюнова (2000) описала синонимический ряд «стыд–срам–позор», выявив различия в степени публичности и интимности этих переживаний.

В когнитивной лингвистике стыд изучался методом метафорического моделирования [Лакофф, Джонсон, 2004; Kovecses, 1990; 2000; 2008].

Лингвокультурологический подход к изучению концепта «СТЫД» представлен в работах многих российских исследователей [Апресян, 1995; Арутюнова, 1997; 2000; Антонова, 2009; Карасик, 2004; Хайруллина, 2008].

Исследование фразеологической репрезентации стыда опирается на традиции, заложенные в трудах В.В. Виноградова (1977). Семантика фразеологизмов изучалась в работах В.П. Жукова (1966, 1991), В.Н. Телия (1981, 1996), А.И. Молоткова (1986), Р.Х. Хайруллиной (2008) и др.

В китайской лингвистической традиции значимыми являются исследования Вэнь Дуаньчжэна [温端政, 1980], Ху Юшу [胡裕树, 1981], Ма Гофан [马国凡, 1961], Фу Хуайцин [符淮青, 1985], Ван Цинь и У Чжанькунь [武占坤, 王勤, 2009], Сюэ Чэнчжи [薛诚之, 1936] и др., заложивших основы изучения китайской фразеологии.

Сравнительный анализ концепта «СТЫД» в межкультурной перспективе представлен в работах российских лингвистов [Арутюнова, 1999, 2000; Антонова, 2009], а также в исследованиях китайских ученых, изучавших конфуцианские ценности и их языковую репрезентацию [俞水生, 2017; 傅永和, 2012].

Объектом исследования является эмоциональный концепт «СТЫД»/«羞耻» как лингвокультурный феномен.

Предметом исследования выступают языковые средства репрезентации концепта «СТЫД» в русском и китайском языках, включая лексико-семантические, фразеологические и метафорические структуры, а также специфика его ассоциативного восприятия носителями указанных языков.

Цель исследования – выявить национально-специфические особенности концептуализации и языковой репрезентации эмоции стыда в русском и китайском языках на основе анализа лексико-семантических единиц, фразеологических выражений, метафорических моделей и ассоциативных данных.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1) определить теоретико-методологические основания лингвистического исследования эмоционального концепта «СТЫД» в сопоставительном аспекте;

2) описать лексико-семантическое поле концепта «СТЫД» в русском и китайском языках и выявить общие и специфические черты его семантической

структуры;

3) проанализировать фразеологические единицы и метафорические модели, репрезентирующие концепт «СТЫД» в обоих языках;

4) установить культурно-специфические особенности концептуализации эмоции стыда в русской и китайской лингвокультурах;

5) изучить и систематизировать ассоциативные реакции носителей русского и китайского языков на стимул «СТЫД» с целью выявления различий в языковом сознании;

6) сопоставить полученные данные и выявить универсальные и национально-специфические особенности вербализации и восприятия концепта «СТЫД».

Гипотеза исследования: эмоция стыда является универсальной для человеческой культуры, однако в русском и китайском языках она репрезентируется различными лингвистическими средствами в силу различий в культурных установках, когнитивных моделях и национальных коммуникативных традициях.

Эти различия проявляются в:

– *лексических кластерах и семантических полях*, связанных со стыдом, демонстрируя приоритет оценки определенных аспектов личности (например, личные качества, социальный статус, соблюдение норм поведения и т.п.) в каждой лингвокультуре;

– *метафорических концептуализациях стыда*, которые отражают различные культурные модели «Я» (например, индивидуалистические vs. коллективистские), а также представления о границах тела и личного пространства;

– *фразеологизмах*, отражающих специфику культурных ценностей и норм поведения, которые приводят к переживанию стыда;

– *ассоциативных реакциях*, полученных в результате кросс-культурного ассоциативного эксперимента, показывающих, какие элементы (образы, действия, объекты и т.п.) в каждой культуре вызывают наиболее сильные переживания стыда.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– впервые осуществлен комплексный сопоставительный анализ концепта «СТЫД» в русском и китайском языках с опорой на лексико-семантические, фразеологические, метафорические и ассоциативные средства его репрезентации;

– выявлены культурно-специфические особенности концептуализации и вербализации эмоции стыда, отражающие различия в ценностных установках и коммуникативных стратегиях русской и китайской лингвокультур;

– в научный оборот введены новые эмпирические данные, полученные с помощью ассоциативного эксперимента, что позволило установить универсальные и культурно обусловленные компоненты эмоционального концепта «СТЫД» в языковом сознании носителей двух языков.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит

вклад в развитие лингвоконцептологии и когнитивной лингвистики и расширяет представления о когнитивной и культурной обусловленности языкового выражения эмоций, демонстрируя, как различия в ценностных установках и когнитивных моделях влияют на языковую реализацию одного и того же эмоционального содержания.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности применения полученных данных в области преподавания русского языка как иностранного, китайского языка, а также в межкультурной коммуникации. Сопоставительный анализ концепта «СТЫД»/«羞耻» имеет прикладное значение для теории и практики перевода, разработки словарей и учебных пособий. Кроме того, результаты могут найти применение в кросс-культурных исследованиях, психолингвистике и этнопсихологии, а также в лингвистической экспертизе текстов.

Методологическая основа исследования базируется на идеях научных концепций, разрабатываемых в рамках следующих научных направлений:

– *лингвистики эмоций* (Л.Г. Бабенко, Ш. Балли, Я.А. Волкова, С.В. ИONOва, Н.А. Красавский, Л.А. Пиотровская, Н.А. Сребрянская, О.Д. Тарасова, И.И. Чесноков, В.И. Шаховский и др.);

– *когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии* (Н.Н. Болдырев, А. Вежицкая, Я.А. Волкова, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, А.А. Залевская, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Д.С. Лихачев, С.Х. Ляпин, М. Минский, Н.Н. Панченко, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, Е.Е. Стефанский, Z. Kövecses и др.);

– *лингвокультурологии* (В.В. Воробьев, М.Л. Ковшова, В.А. Маслова, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов и др.);

– *психолингвистики* (Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов, Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев и др.);

– *сравнительно-сопоставительной лингвистики*, позволяющей выявить структурные, семантические и функциональные особенности репрезентации эмоционального концепта «СТЫД»/ «羞耻» в русском и китайском языках. Использование сопоставительного подхода обеспечивает системный анализ различий и сходств в языковом выражении эмоции, отражающих культурно обусловленные модели переживания и интерпретации стыда.

Материалом исследования послужили лексикографические источники, корпусные данные и эмпирические материалы, собранные в ходе ассоциативного эксперимента. Для анализа концепта «СТЫД» в русском языке были использованы такие лексикографические ресурсы, как «Толковый словарь» С.И. Ожегова, «Этимологический словарь» М. Фасмера, «Фразеологический словарь русского литературного языка», «Сборник пословиц русского народа» В.И. Даля, а также специализированные словари – ассоциативные словари, «Краткий психолого-

филологический словарь» и «Словарь практического психолога».

В исследовании китайского языкового материала применялись «说文解字» («Происхождение китайских иероглифов») Сюй Шэня, «汉语大辞典» («Большой китайский толковый словарь»), «新华字典» (словарь «Синьхуа»), «辞海» (словарь «Цыхай»), «现代汉语词典» (Словарь современного китайского языка) и др. В работе использовались данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также корпусов современного китайского языка BCC и CCL.

Существенную часть исследовательского материала составили данные, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, направленного на выявление особенностей ассоциативного поля концепта «СТЫД»/«羞耻» у носителей русского и китайского языков. В исследовании участвовали 200 информантов (100 русских и 100 китайских; по 50 мужчин и женщин) трёх возрастных категорий: 18–25, 26–35 и старше 35 лет.

В работе использованы следующие **методы**:

1) общенаучный гипотетико-дедуктивный метод, применявшийся для анализа теоретического материала по тематике исследования;

2) этимологический анализ – для изучения происхождения лексем, связанных с понятием «стыд» в русском и китайском языках;

3) лексикографический анализ – для выявления значений и толкований лексем, представленных в словарях;

4) метафорический анализ и моделирование – для анализа метафорических репрезентаций эмоции стыда;

5) ассоциативный эксперимент как основной эмпирический метод, с помощью которого было исследовано ассоциативное поле концепта «СТЫД», в том числе реакции, вызываемые этим чувством, и культурно обусловленные поведенческие паттерны;

6) сравнительно-сопоставительный метод, применявшийся для выявления сходств и различий в языковом и культурном восприятии стыда в обеих лингвокультурах;

7) корпусный анализ – для анализа частотности и контекста употребления метафор и выражений, связанных со стыдом;

8) количественный и качественный анализ – для обработки результатов эксперимента и описания лингвокультурных особенностей.

Достоверность и объективность результатов исследования обеспечена обращением к обширной методологической базе, которая включает в себя труды китайских и российских исследователей, репрезентативным практическим материалом, применением актуальных общенаучных и частных лингвистических современных методов исследования и всесторонним анализом большого количества языковых примеров. В рамках корпусного анализа было выявлено и

проанализировано 29 метафорических выражений в русском языке и 24 – в китайском, отражающих различные способы языковой репрезентации эмоции стыда. Дополнительным источником материала стали результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей русского и китайского языков (всего 200 респондентов – 100 носителей русского языка и 100 носителей китайского языка, по 50 мужчин и женщин в каждой группе). Общее количество проанализированных реакций на стимул «СТЫД» – 870 (446 в русском языке и 424 в китайском языке).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Концепт «СТЫД» в русском и китайском языках обладает как универсальными признаками, так и ярко выраженной культурно-специфической семантикой, что проявляется в составе лексических единиц, частотности их употребления, структурной организации синонимических рядов и этимологических особенностях его номинантов.

2. Фразеологизмы и метафоры, репрезентирующие эмоцию стыда, различаются по типу, семантической нагрузке и частотности в двух лингвокультурах, что отражает различия в доминирующих ментальных и поведенческих моделях: в русской лингвокультуре акцент смещен на общественное осуждение и утрату чести, в китайской – на внутренние моральные обязательства и сохранение лица.

3. Метафорические выражения, описывающие эмоцию стыда в китайском и русском языках, формируются на основе различных типов метафор, включая физический, природный, онтологический, поведенческий и сенсорный уровни. Эти метафорические структуры отражают культурно-обусловленное восприятие и выражение эмоции стыда, подчеркивая влияние национального культурного контекста на формирование этой категории.

4. Ассоциативный эксперимент показал расхождения в структуре ассоциативного поля концепта «СТЫД» у русских и китайских респондентов, включая набор типичных реакций, эмоциональную маркированность и глубину когнитивной проработки, что подтверждает различия в культурных интерпретациях стыда как эмоционального и этического феномена.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации, обсуждавшиеся на заседаниях кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (2022–2025 гг.), были представлены в виде докладов на XIV Всероссийской научно-методической конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук» (24.03.2022, РУДН, Москва); XVI Международной научно-практической электронной конференции «Язык. Образование. Культура» (23–25.05.2022, КГМУ, Курск); IV Международной научно-практической конференции «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования» (01.10.2022, СПбГУ, Санкт-Петербург); IX Международной научной междисциплинарной конференции «Функциональные аспекты межкультурной коммуникации и проблемы

перевода» (18.11.2022, РУДН, Москва); XVI Всероссийской научно-методической конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук» (21–22.03.2024, РУДН, Москва).

Результаты и выводы, выработанные в ходе научного исследования, нашли отражение в 7 научных статьях, 4 из которых опубликованы в научных журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации.

Личный вклад автора является определяющим и заключается в непосредственном участии во всех стадиях исследования – от постановки цели и задач исследования и их реализации до отражения результатов исследования в научных публикациях, а также докладах и положениях, выносимых на защиту.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Научные положения диссертационного исследования соответствуют содержанию специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика».

Структура и содержание диссертации обусловлены кругом исследуемых проблем и отвечают поставленным цели, задачам, объекту и предмету исследования.

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, включающих одиннадцать параграфов, заключения, списка источников и литературы по теме исследования и приложения. Список литературы включает 160 источников на русском, китайском, английском и немецком языках. В приложении представлена анкета ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей русского и китайского языков, на русском и китайском языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования; представлена научная разработанность темы; обозначены объект и предмет исследования; дается характеристика источниковой базы; указаны гипотеза, материалы и методы исследования; раскрывается теоретическая основа и степень научной разработанности исследования; сформулированы цель и задачи исследования; раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования; обозначена достоверность и объективность результатов исследования; сформулированы теоретические положения, выносимые на защиту; представлена апробация результатов диссертационного исследования и возможные области применения полученных результатов.

Глава 1 «Теоретические аспекты изучения концепта в лингвистике» состоит из трех параграфов. Она посвящена рассмотрению теоретических аспектов

изучения концепта в лингвистике. Исследуются основные подходы, такие как когнитивный, культурологический и философский. Особое внимание уделяется эмоциональным концептам, их структуре и методам исследования, в частности, концепту «СТЫД», который анализируется с позиций лингвокультурологического подхода.

В первом параграфе «Теория концепта в современной лингвистике» рассматривается понятийное содержание термина «*концепт*», его этимология, а также соотношение со смежными категориями «*понятие*» и «*слово*». Концепт трактуется как ментальная единица, отражающая не только логическое, но и образное, культурное и эмоциональное содержание индивидуального и коллективного опыта. Латинское *conceptus* восходит к идее «зачатия», «собираения». В лингвистическую науку термин ввел С.А. Аскольдов, а широкое распространение он получил благодаря работам Ю.С. Степанова, Е.С. Кубряковой, В.И. Карасика, В.А. Масловой, Г.Г. Слышкина и других ученых.

Выделяются две основные позиции по вопросу соотношения концепта и слова: одни исследователи считают, что концепт обязательно должен иметь словесное выражение, другие допускают его существование в невербализованной форме – в виде образов, сценариев и когнитивных схем. Последняя точка зрения актуализирует понятие концептуальных лакун – идей, не имеющих словесного выражения в языке и культуре. Концепт может быть выражен словом, фразеологизмом или текстом, но не сводится к значению этих единиц, поскольку отражает более глубокие когнитивно-культурные структуры.

Обобщены три подхода к изучению концепта: когнитивный, лингвокультурологический и философский. В рамках когнитивной лингвистики (Н.А. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.) концепт рассматривается как элемент ментального лексикона и средство концептуализации действительности. Лингвокультурологический подход (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев и др.) акцентирует культурную значимость концепта и его многослойную структуру – понятийную, образную и ценностную составляющие. Философский подход (П. Абеляр, В.В. Колесов, Ж. Делез, Ф. Гваттари и др.) рассматривает концепт как абстрактную смысловую единицу с онтологическим и креативным потенциалом.

В рамках данной диссертационной работы в качестве основного принят *когнитивный подход*, включая его лингвокогнитивную и когнитивно-дискурсивную модификации, что обусловлено стремлением к выявлению внутренней структуры концепта и способов его языковой репрезентации. Дополнительно используется *лингвокультурологический подход*, позволяющий отразить национально-специфические особенности концептуализации эмоции стыда в русском и китайском языках.

Второй параграф «Типология концептов» посвящен рассмотрению

эмоционального концепта как особой разновидности ментальных образований, отражающих субъективное и культурно опосредованное восприятие мира. Исходной точкой рассуждения является положение о том, что эмоции подлежат когнитивному и лингвистическому осмыслению, поскольку они выражают не только индивидуальные состояния, но и отражают коллективные культурные установки.

Развитие лингвистики эмоций связывается с докладом Ф. Данеша на IV Международном конгрессе лингвистов в 1987 г., где была доказана взаимосвязь когниции и эмоций, положившим начало научному интересу к эмоциональной сфере в языке на основе антропоцентрического подхода, а также с работами В.И. Шаховского (1987 и др.), выделившего лингвистику эмоций в отдельное научное направление. Отмечается, что эмоциональные концепты сложно поддаются формализации и вербализации из-за их абстрактности и субъективности [Красавский, 2001; Вежбицкая, 1997; Карасик, 2001; Шаховский 2008]. Однако именно эти особенности делают их уникальной областью исследования – как элементов эмоциональной концептосферы, структурирующей эмоциональные переживания через язык. Эмоциональный концепт определяется как языково-когнитивная единица, в которой объединяются чувство, образ, оценка и ментальное представление, отражающие отношение субъекта к объекту на эмоциональном уровне [Красавский, 2001; Леонтьев, 2000; Чесноков, 2008].

Эмоциональные концепты (ЭК) обладают двойственной природой: универсальность базовых эмоций объединяет культуры, но каждая лингвокультура формирует собственные средства их концептуализации [Вежбицкая, 1997]. ЭК отражают как индивидуальные, так и этнокультурные смыслы, становясь важными элементами языковой картины мира. Их структура многокомпонентна и динамична и включает когнитивные, образные, ценностные и поведенческие элементы [Михальчук, 1997; Тарасова, 2003].

Особый акцент сделан на когнитивной модели ЭК, предложенной З. Кевечешем, где центральными элементами выступают концептуальные метафоры, метонимии, родственные понятия и когнитивные сценарии [Kövecses, 2008]. Также используется интегративная схема структуры ЭК, в центре которой находится понятийное ядро (лексема и ее этимология), окруженное метафорами, образами, символами и аксиологическими смыслами (рис. 1).

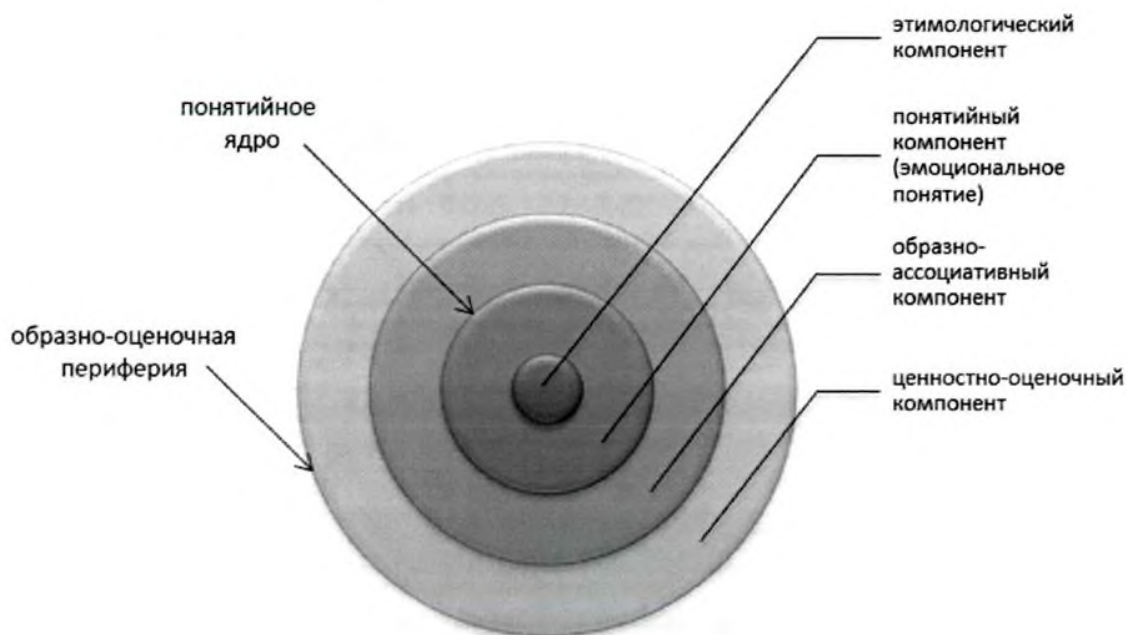

Рис. 1. Структура эмоционального концепта

Методологическую основу анализа ЭК составляют: *семантический подход* (А. Вежбицкая, Ю.Д. Апресян и др.), включающий детальный компонентный анализ эмоциональной лексики; *метафорический анализ* (Дж. Лакофф, А.П. Чудинов и др.), с помощью которого выявляются метафорические модели, лежащие в основе концептуализации эмоций; *метонимический подход* (З. Кевечеш, Г. Радден, Е.В. Падучева и др.), в рамках которого анализируются связи между физиологическими проявлениями эмоций и их концептуальной репрезентацией. Эффективное моделирование структуры ЭК возможно только при синтезе всех указанных подходов, ибо позволяет выявить как рациональные, так и образно-ценностные стороны концепта.

В третьем параграфе «Эмоциональный концепт “СТЫД” как объект лингвокультурологического исследования» обосновывается статус эмоции стыда как важнейшего компонента человеческого эмоционального опыта. Опираясь на дифференциальную теорию эмоций (К. Изард, Р. Лазарус, Э. Ортони, Я. Панксепп и др.), анализируется противоречивость взглядов на природу стыда как базовой или вторичной эмоции. Согласно К. Изарду, стыд обладает признаками базовой эмоции: он универсален, физиологически обусловлен, сопровождается характерной мимикой и оказывает регуляторное влияние на поведение. В то же время Е.П. Ильин и другие ученые трактуют стыд как вторичную, социально опосредованную эмоцию, не наблюдаемую у животных и формирующуюся в процессе социализации.

Для преодоления этих противоречий вводится иерархическая модель, в

которой стыд определяется как вторичная базовая эмоция, эволюционно связанная с эмоциями страха и печали. Особое внимание уделяется связям между стыдом и страхом как эмоциями, выполняющими поведенческо-регулятивные функции, но с разной направленностью – биологической и социокультурной.

В контексте лингвокультурологического анализа стыд рассматривается как особый тип эмоции, сочетающий физиологическую основу с когнитивной рефлексией и ценностным измерением. Он представляет собой интегративное образование, в котором переплетаются биологические реакции, внутренний моральный контроль и культурно-обусловленные социальные ориентиры.

Стыд формируется в процессе социализации и закрепляется в культурной памяти через ментальные сценарии – переживание ошибок, унижения, вины. Он может принимать разные формы: внешний (связан с социальным контролем), промежуточный (смешанный) и моральный (связанный с расхождением между реальным и идеальным «Я»). В эмоциональном контексте концепт «СТЫД» отражает представление о границе между дозволенным и запретным, о соответствии внутреннего образа «Я» социальным нормам. В русской культуре он соотносится с совестью, покаянием и внутренним судом, в китайской – с сохранением «лица» и гармонией во внешних отношениях. Это придает концепту ярко выраженную национально-культурную специфику: в России стыд направлен внутрь, в сторону моральной оценки, а в Китае – вовне, на поддержание социального порядка.

Стыд играет ключевую роль в саморегуляции и нравственном развитии. Он ограничивает эгоцентризм, формирует внутренние фильтры поведения, способствует развитию эмпатии. Осознанный и интегрированный стыд становится эмоцией роста – сигналом, побуждающим к переоценке поведения и личностному совершенствованию; подавленный же стыд утрачивает конструктивную функцию.

В лингвокультурном плане концепт «СТЫД» объективируется через пословицы, устойчивые выражения и символические коды, отражающие систему социальных норм и ценностей.

Глава 2 «Понятийно-ценностные характеристики эмоции стыда в китайской и русской лингвокультурах» состоит из трех параграфов. Проводится этимологический и лексикографический анализ лексемы «СТЫД»/«羞耻» в двух языках, анализ репрезентации данного концепта во фразеологии и паремиологии, а также исследование метафорики стыда в китайском и русском языках.

В первом параграфе **«Этимологический и лексикографический анализ номинантов концепта “СТЫД” в русском и китайском языках»** представлен сопоставительный анализ этимологических и лексикографических характеристик лексем, репрезентирующих концепт «СТЫД»/«羞耻» в русском и китайском языках, с целью описания понятийного ядра и выявления культурно-языковых различий.

Анализ начинается с этимологии русского слова «стыд», которая, согласно данным этимологических словарей (М. Фасмер, Б.А. Ларин), восходит к древнеславянской лексике и имеет связь со значениями «страх», «позор», «порушение», а также с глаголом «стынуть», что указывает на ассоциации со «сжатием», «холодом», «сжатием тела от внутреннего дискомфорта». Формирование значения слова происходило поэтапно – от ощущения боли и холода до конкретного обозначения чувства морального унижения.

Русское слово «стыд» в китайском языке передается двусложной единицей – «羞耻» (xiūchǐ), включающей 2 иероглифа. Этимологическое исследование каждого из них показывает высокую семантическую и культурную нагрузку: 羞 (xiū) первоначально обозначал жертвоприношение (овцу, преподносимую богам) и лишь позднее приобрел значения «стесняться», «смущаться», «испытывать неловкость», в его структуре сочетаются элементы «овца» (羊) и «рука» (丑/手), что указывает на ритуальную практику; 耻 (chǐ) происходит от древнего иероглифа 恥, в котором «ухо» (耳) функционирует как фонетический компонент, а «сердце» (心) – как семантический, отсылающий к внутреннему переживанию. Таким образом, стыд представлен как эмоциональная реакция, возникающая в сердце в ответ на внешний сигнал – услышанное осуждение.

Лексикографический анализ определений показывает, что в русском языке стыд трактуется как эмоция, вызванная осознанием нравственного проступка, сопровождаемая физиологическими симптомами (покраснение лица, желание скрыться и др.). Это подтверждается как в толковых словарях («Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, БСЭ), так и в психолингвистических источниках. Отмечается его тесная связь с понятием совести, нравственности и саморефлексии.

В китайской традиции, напротив, стыд в большей степени связан с социальной репутацией, утратой «лица» и служит важным инструментом саморегуляции в рамках конфуцианской системы. В трактате «Книга обрядов» («礼记») говорится: «Знать стыд – значит приближаться к добродетели», а в «Лунь Юй» («论语») подчеркивается: «行己有耻» («Человек, достойный уважения, должен уметь стыдиться»).

В лексикографических источниках подчеркивается как отрицательная, так и положительная ценностная нагрузка: знание стыда рассматривается как добродетель (羞耻感 – «чувство стыда»), а его отсутствие – как моральная деградация. В русской же культурной традиции стыд воспринимается преимущественно как отрицательное переживание.

В результате проведенного анализа установлено, что в русской лингвокультуре стыд воспринимается, в первую очередь, как внутреннее нравственное переживание, связанное с самооценкой и понятием «совести»; в китайской культуре он трактуется как внешняя социальная категория, направленная на сохранение общественной гармонии и статуса личности в

коллективе. Отмечаются различия и в физиологических маркерах: если в русской традиции эмоциональные и телесные проявления стыда активно фиксируются (в языке и фразеологии), то в китайской упор делается на поведенческую норму, маскирующую личное переживание.

Во втором параграфе «Репрезентация концепта “СТЫД” во фразеологическом фонде китайского и русского языков» подробно рассмотрена репрезентация концепта «СТЫД» в русской и китайской фразеологии.

Русскоязычным материалом послужили данные из словарей под редакцией В.И. Даля, М.А. Рыбниковой, А.И. Молоткова и др. Всего выделено и проанализировано 96 фразеологических единиц, отражающих разные аспекты проявления стыда. Все выражения классифицированы по 8 тематико-семантическим группам, охватывающим нравственные, эмоциональные, физиологические, социальные и аксиологические стороны стыда. Процентное соотношение категорий стыда представлено на рис. 2.

Наибольшая доля проанализированных единиц (26,0 %) относится к дидактико-воспитательной группе, где стыд рассматривается как высшая нравственная ценность, важнее материального ущерба (*«Живи так, чтобы ни от Бога греха, ни от людей стыда»*). Далее следуют пословицы, где отсутствие стыда трактуется как социально опасное отклонение (15,6 %) (*«Бесстыжего гостя из избы пивом не выгонишь»*).

Существенный пласт составляют выражения, фиксирующие физиологические проявления стыда (12,5 %): покраснение, опущенные глаза, стремление «провалиться сквозь землю» (*«Стыдливый покраснеет, а бесстыжий побледнеет»*). Стыд также изображается как интенсивное страдание (9,4 %), приравняемое к боли, жжению, смерти (*«Стыд – та же смерть»*). В группе нравственно-этических интерпретаций (12,5 %) он соотносится с совестью, честью и внутренним моральным судом (*«В ком стыд, в том и совесть»*).

Рис. 2. Распределение русских фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «СТЫД» по тематическим группам, %

Проведенный анализ показывает, что в русской фразеологической традиции стыд выполняет, прежде всего, воспитательную и нормативную функции. Он выступает механизмом закрепления моральных стандартов и их передачи через поколения, формируя устойчивые модели социально одобряемого поведения. Особое внимание уделяется телесной и эмоциональной ощутимости стыда: физиологические реакции и метафоры, связанные с болью, жаром, потерей контроля, придают этой эмоции особую выразительность в повседневной речевой практике. Наряду с этим отчетливо выделяется противоположный полюс – бесстыдство, которое маркируется как крайняя форма нравственного падения и социальной девиации. В то же время сравнительно малое количество выражений, содержащих элементы рефлексии над природой стыда, свидетельствует о традиционно однозначной и недискуссионной оценке этой эмоции в русской культуре. Таким образом, стыд в русской фразеологической системе предстает как социально-нравственный регулятор, связанный с честью, совестью, телесной реакцией и коллективными ценностями и глубоко укорененный в языковом сознании русского народа.

Анализ китайского фразеологического материала, охватывающий 114 единиц, базировался на данных, отобранных из авторитетных

лексикографических источников, таких как «Классифицированный словарь современного китайского языка» (现代汉语分类词典, ред. Су Синьчунь, 2013), «Полное собрание китайских пословиц» (中国谚语大全, ред. Вэнь Дуаньчжэн, 2004) и «Большой словарь китайских поговорок» (中国俗语大辞典, ред. Вэнь Дуаньчжэн, 2011). На основании этого корпуса выделено 6 тематико-семантических групп, наиболее репрезентативных для китайской лингвокультуры (рис. 3).

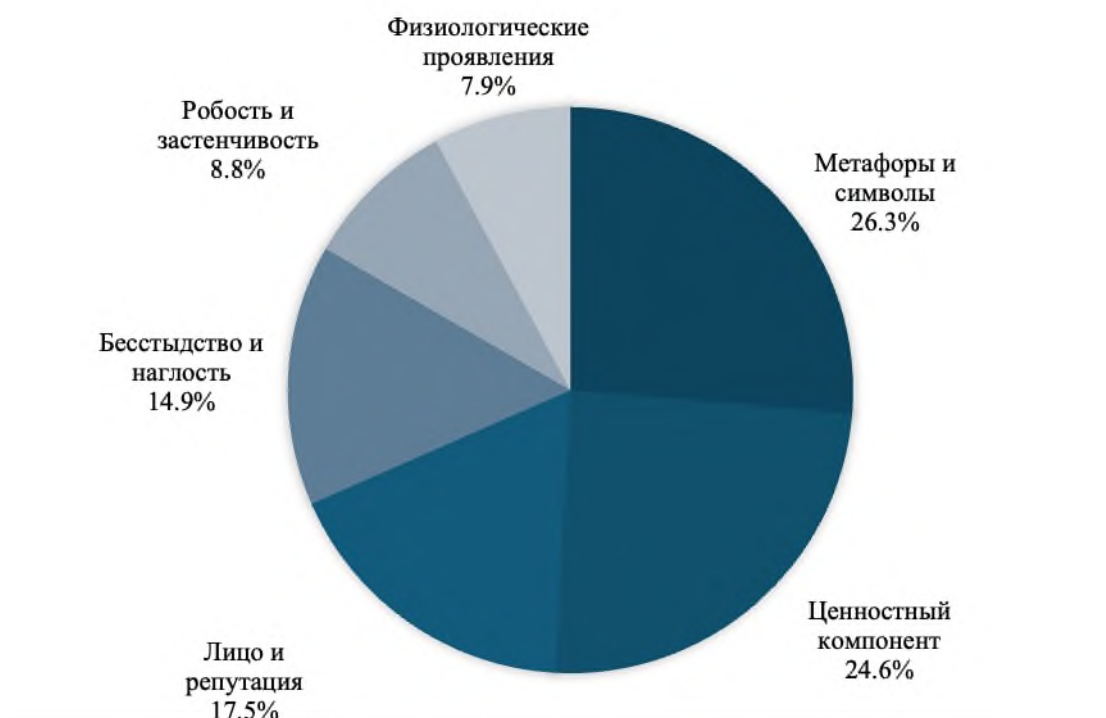

Рис. 3. Распределение китайских фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «СТЫД» по тематическим группам, %

Наиболее объемной оказалась группа, включающая метафорические и символические выражения (26,3 %), что отражает характерную для китайской языковой традиции склонность к опосредованному выражению эмоций через образы природы, животных, предметов и культурных персонажей («属含羞草的 – 碰不得» («Стыдливая, как мимоза, – не может прикоснуться»)). Почти равную долю составляют выражения, фиксирующие ценностные установки (24,6 %) и представляющие стыд как основу морального самоконтроля. Ярким примером служит изречение: «好问不需脸红, 无知才应羞愧» («Не надо краснеть, если вам нравится спрашивать, стыдно должно быть за невежество»), созвучное русской пословице «Не стыдно не знать, стыдно не учиться».

Значительное место занимает группа, связанная с понятием «лица» (17,5 %), через которую стыд концептуализируется как необходимость сохранения

общественного уважения, так и угроза утраты социального статуса. («死要面子活受罪» («предпочитает терпеть боль ради “лица”»)). Формы поведения, маркируемые как бесстыдные или недопустимые (14,9 %), демонстрируют оппозицию «стыд–бесстыдство» («寡廉鲜耻» (guǎ lián xiǎn chǐ) – «беспринципный, бессовестный»). Группы, отражающие физиологические проявления (7,9 %) («面红耳赤» (miàn hóng ěr chì) – «покраснеть до ушей») и поведенческие признаки застенчивости (8,8 %) («羞人答答» (xiū rén dā dā) – «застенчивый и смущенный вид»), служат базисным уровнем репрезентации эмоции, обеспечивая связь между телесной реакцией и культурной интерпретацией чувств.

Таким образом, китайская фразеология демонстрирует многоуровневую модель концепта «СТЫД», где значительная часть выражений имеет символическое или нормативное содержание. В отличие от русской традиции, где акцент делается на внутреннем, эмоционально-телесном переживании, в китайском языке доминирует внешнее, социально ориентированное выражение. Это подтверждается как долей метафорических и этико-нормативных единиц (почти 40%), так и спецификой самой лексики, акцентирующей внимание на «лице», статусе и репутации. Такая система отражает конфуцианскую парадигму, в которой стыд – это, прежде всего, форма социальной дисциплины и средство поддержания групповой гармонии.

Третий параграф «Метафорика стыда в китайском и русском языках» посвящен сопоставительному анализу метафорической репрезентации концепта «СТЫД» в русском и китайском языках. Эмоции, будучи сложными психическими состояниями, преимущественно концептуализируются именно через метафоры, отражающие как универсальные когнитивные механизмы, так и культурно-специфические особенности.

Материалом исследования послужили метафорические единицы из современных и классических текстов, выявленные в китайских корпусах ВСС и ССЛ (24 единицы) и в Национальном корпусе русского языка (29 единиц). Отбор осуществлялся по критериям метафоричности, частотности и концептуальной значимости. Также использовались лексикографические источники («现代汉语词典», «汉语成语大词典», Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова и Большой фразеологический словарь), а интерпретации проверялись экспертной оценкой носителей языка. В результате было выделено 5 типов метафор стыда: физический, природный, онтологический, поведенческий и сенсорный, каждый из которых получил развернутое сопоставительное описание с примерами.

Физический тип метафор строится на телесных ощущениях: покраснение, дрожь, тяжесть в груди и т.п. В обоих языках лицо, глаза и сердце выступают как «контейнеры эмоций», однако русская традиция демонстрирует большее

разнообразие телесной образности (руки, губы, горло), тогда как в китайской метафорике доминирует сердце как центр чувств и разума (心主神).

Природные метафоры представляют стыд как огонь или волну, подчеркивая его стихийную, всепоглощающую силу. В китайском языке акцентируется образ приливной волны (潮), в русском – волны и пламени.

Онтологический тип включает метафоры пищи, одежды и животных. Стыд может быть «проглочен» или «переварен», скрыт, как «одеждой», либо обозначен как признак деградации через животную символику в китайской (волк, мышь, собака) и русской (змея) традициях.

Поведенческие метафоры изображают стыд как врага или болезнь, вызывающую душевные и физические страдания: в китайском – «дрожь» и «сердцебиение», в русском – «душевная боль» и «парализация».

Сенсорный тип связан с восприятием цвета, температуры и вкуса. В обеих культурах стыд ассоциируется с красным цветом, жаром и горечью. В русском языке также присутствует метафора «черный стыд», подчеркивающая его разрушительный потенциал.

Установлено, что русский язык демонстрирует большее телесное и чувственное разнообразие в описании стыда, а китайский – более развитую систему символических животных и устойчивых образов, таких как «遮羞布» (ткань для прикрытия стыда).

Для наглядного представления сходств и различий в метафорической репрезентации стыда в китайском и русском языках приведена таблица со сравнительными характеристиками количественного распределения метафор по типам, а также приводятся примеры из обоих языков, иллюстрирующие общее и различное в метафорической концептуализации стыда (табл. 1).

Таблица 1

**Сравнительные характеристики метафорических типов стыда
в китайском и русском языках**

Тип метафоры	Китайский язык		Русский язык		Общие черты	Культурные различия
	Кол-во (24 ед.)	Пример	Кол-во (29 ед.)	Пример		
Физический	8 (33,3%)	脸红 (красное лицо), 低头 (опущенная голова)	12 (41,4%)	«Покраснела от стыда», «стыд парализовал ее»	Оба языка используют части тела (лицо, глаза, сердце) как «контейнеры эмоций»	В русском языке больше разнообразия (губы, руки, горло); в китайском языке акцент делается на сердце

Тип метафоры	Китайский язык		Русский язык		Общие черты	Культурные различия
	Кол-во (24 ед.)	Пример	Кол-во (29 ед.)	Пример		
Природный	5 (20,8%)	火 (огонь), 潮 (приливная волна)	7 (24,1%)	«Стыд жжет», «волны стыда»	Огонь и жидкость как основные образы	В китайском языке чаще встречается метафора приливной волны (潮)
Онтологический	6 (25%)	遮羞布 (ткань для стыда), 色狼 (похотливый волк)	5 (17,2%)	«Стыд как платье», «стыд как змея»	Пища и одежда как универсальные образы	В китайском языке доминируют животные метафоры (волк, собака, муха)
Поведенческий	3 (12,5%)	袭击 (нападение стыда), 苦果 (горький плод)	3 (10,3%)	«Стыд душит», «стыд убивает»	Война и болезнь как общие концепты	В русском языке чаще используется образ «стыд – убийца»
Сенсорный	2 (8,3%)	红云 (красное облако), 苦 (горечь)	2 (6,9%)	«Багровый стыд», «горечь стыда»	Цвет (красный) и вкус (горький) как общие признаки	В русском языке есть уникальная метафора «черный стыд»

Глава 3 «Концептуализация стыда в китайском и русском языковом сознании» состоит из четырех параграфов. Рассматриваются результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей китайского и русского языков. Анализируются ситуации, вызывающие стыд, реакции на него, а также проводится сопоставление результатов эксперимента для выявления сходств и различий в концептуализации стыда в двух лингвокультурах.

В первом параграфе «Ассоциативный эксперимент как один из методов исследования лингвокультурных концептов» рассматривается ассоциативный эксперимент как метод изучения лингвокультурных концептов, в частности, концепта «СТЫД». Ассоциативный метод уходит корнями в античную философию, где Аристотель выделял основные принципы связи идей – по смежности, сходству и контрасту. В лингвистике ассоциативное направление было теоретически осмыслено Ф. де Соссюром, который указал на системную взаимосвязь слов в языковом сознании. Важную роль в развитии метода сыграл Ш. Балли, впервые употребивший термин «ассоциативное поле» и предложивший

различать ближние и дальние ассоциации. В российской лингвистике Н.В. Крушевский выделил непосредственные и опосредованные ассоциации, а также парадигматические и синтагматические связи. Позднее метод получил широкое применение в психолингвистике (Е.И. Горошко, Е.Ф. Тарасов, А.Н. Леонтьев и др.), где ассоциативный эксперимент стал инструментом выявления структуры языкового сознания и семантических полей.

В российской науке имеется обширный корпус ассоциативных словарей (РАС, АФС, САС и др.). В Китае интерес к ассоциативным значениям начал формироваться значительно позже. У Цяньгуан, Чжан Ихуа, Сюй Вэйхань, Чжан Цайхун и др. акцентируют внимание на культурной специфике ассоциативных связей, отмечая их зависимость от национального опыта, табуированных тем и эвфемизмов. Тем не менее в Китае отсутствуют национальные словари ассоциативных норм, а исследовательский интерес сосредоточен преимущественно на культурно-семантических особенностях ассоциативных значений.

Во втором и третьем параграфах представлен анализ результатов ассоциативного эксперимента с китайскими и русскими информантами.

В ассоциативном эксперименте приняли участие 200 информантов – по 100 носителей русского и китайского языков (по 50 мужчин и женщин в каждой группе). Участники представляли три возрастные категории: 18–25, 26–35 и старше 35 лет; при этом основную часть составляли молодые люди до 35 лет. Большинство испытуемых имели высшее образование.

Эксперимент проводился письменно и включал три этапа. В первой части респонденты должны были за 10 минут предложить 5 реакций на слово-стимул «стыд» – это могли быть отдельные слова, фразеологизмы, пословицы, строки из песен или стихотворений. Заполнение анкет происходило как в присутствии исследователя, так и дистанционно (при условии запрета использования справочных источников). Всего было собрано 446 ассоциативных реакций от русских и 424 – от китайских информантов.

Во второй части испытуемые описывали реальные или гипотетические ситуации, вызывающие у них чувство стыда (всего 200 ответов, по 100 от каждой группы). На заключительном этапе респонденты перечисляли возможные реакции или действия, которые они предприняли бы в случае переживания стыда. На этом этапе было получено 155 реакций от русских информантов и 143 – от китайских.

Во втором параграфе «Ассоциативное поле концепта «СТЫД»/«羞耻» в китайском языковом сознании» представлен анализ результатов ассоциативного эксперимента с китайскими информантами.

В результате первого этапа ассоциативного эксперимента от китайских респондентов было получено 424 реакции, которые после лексико-семантической обработки были сведены к 256 ассоциатам. Далее был проведен их

лингвистический анализ по четырем основаниям: принадлежность к ядру или периферии ассоциативного поля, часть речи, оценочность (позитивная, негативная, нейтральная) и тематическая направленность.

На основе частотности реакций была выстроена модель ассоциативного поля концепта «羞耻» («СТЫД») с выделением четырех зон: ядерной, околоядерной, ближней и дальней периферии. В ядерную зону вошли реакции с частотностью от 10 и выше (23,6% всех ответов), среди которых доминировали: 尴尬 – «неловкий» (29), 害羞 – «стеснительный» (21), 脸红 – «покраснеть» (15), 羞愧 – «смущенный» (13), 耻辱 – «позор» (11), 丢人 – «опозориться» (11).

Околоядерную зону составили ассоциаты с частотностью от 4 до 9 включительно (10,1%): 不好意思 – «неловкий» (7), 不知羞耻 – «бессовестный» (6), 无地自容 – «не знать, куда деться» (5), 丢脸 – «потерять лицо» (5), 面红耳赤 – «покраснеть до корней волос» (4), 难以启齿 – «стесняться сказать» (4), 难受 – «неудобный» (4), 自卑 – «самоунижение» (4), 羞耻心 – «стыдливость» (4).

Ближняя периферия включает ассоциации, встречающиеся 2–3 раза (16,7%), среди них – 自责 – «самоосуждение» (3), 无语 – «молчать» (3), 难堪 – «смущаться» (3), 无耻 – «бесстыдный» (3), 奇耻大辱 – «невыразимое унижение» (2), 月经羞耻 – «стыд, связанный с менструацией» (2) и др.

Дальнюю периферию составили единичные реакции (49,5%), демонстрирующие широкий тематический диапазон – от физиологических и эмоциональных реакций (冷汗 – «холодный пот», 心跳加快 – «учащенное сердцебиение» и др.) до культурно обусловленных образов (社死 – «провалиться под землю от стыда», 出丑 – «опозориться», 裤子拉链没拉 – «расстегнутая молния» и др.).

По оценочному признаку все реакции были разделены на три категории:

1) негативные (303 реакции, 72,2%) – подавляющее большинство; включают реакции, отражающие моральное осуждение, неловкость, страх, унижение: 耻辱 – «позор», 丢人 – «осрамиться», 无耻 – «бесстыдный», 奇耻大辱 – «величайший позор», 语无伦次 – «сумбурный», 性羞耻 – «сексуальный стыд», 丢人现眼 – «опозориться на публике» и др.;

2) нейтральные (116 реакций, 26,6%) – ассоциации описательного или объективного характера, часто обозначающие физиологические проявления или социальные роли: 脸红 – «покраснеть», 女性 – «женщина», 暴露 – «обнажать», 道德 – «нравственность», 原因 – «причина» и др.;

3) позитивные (5 реакций, 1,2%) – крайне малочисленны; включают: 微笑 – «улыбка», 忍辱负重 – «терпеть унижение ради цели», 好笑 – «смешной», 搞笑 – «смешить», 别人做的事情很道德 – «другие поступают нравственно».

В ходе анкетного опроса китайским респондентам было предложено описать конкретные ситуации, вызывающие у них чувство стыда. Анализ 100 полученных

ответов позволил классифицировать эти ситуации по 11 основным тематическим группам, представленным на рис. 4.

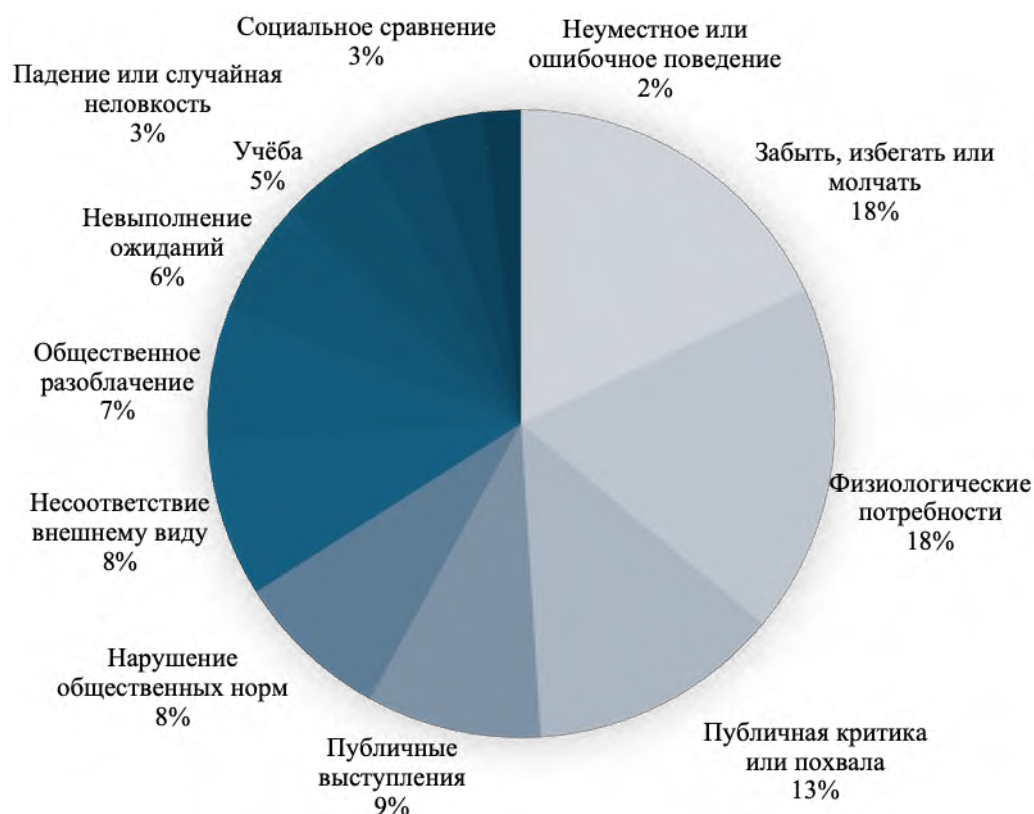

Рис. 4. Ситуации, вызывающие стыд у китайских респондентов

Наибольшее количество случаев связано с публичными ситуациями, предполагающими оценку со стороны окружающих – ответ на уроке, выступление, критика или даже похвала. Существенную роль играют физиологические и телесные проявления, воспринимаемые как источник дискомфорта. Страх утраты «лица» и несоответствие социальным ожиданиям проявляется как ключевой мотив, а значительная доля уклончивых ответов указывает на табуированность темы стыда в китайской культуре.

В третьем параграфе «Ассоциативная характеристика вербальных репрезентаций эмоции стыда в современном русском языке» описываются результаты ассоциативного эксперимента с русскоязычными участниками. Ядро ассоциативного поля составили наиболее частотные слова: «позор» (34), «неловкость» (31), «страх» (18), «смущение» (14), «унижение» (10). В околоядерную и периферийную зоны вошли ассоциаты, отражающие широкий спектр эмоциональных, физиологических, моральных и социальных компонентов: «вина», «испанский стыд», «краснеть», «ошибка», «обида», «совесть», «раскаяние»,

«буллинг» и др. Существенный объем реакций (более 50%) составили единичные ассоциации, демонстрирующие индивидуализированное восприятие стыда. Это свидетельствует о высокой когнитивной сложности и культурной значимости концепта в русскоязычном сознании. Распределение ситуаций, в которых русские испытывают стыд, показано на рис. 5.

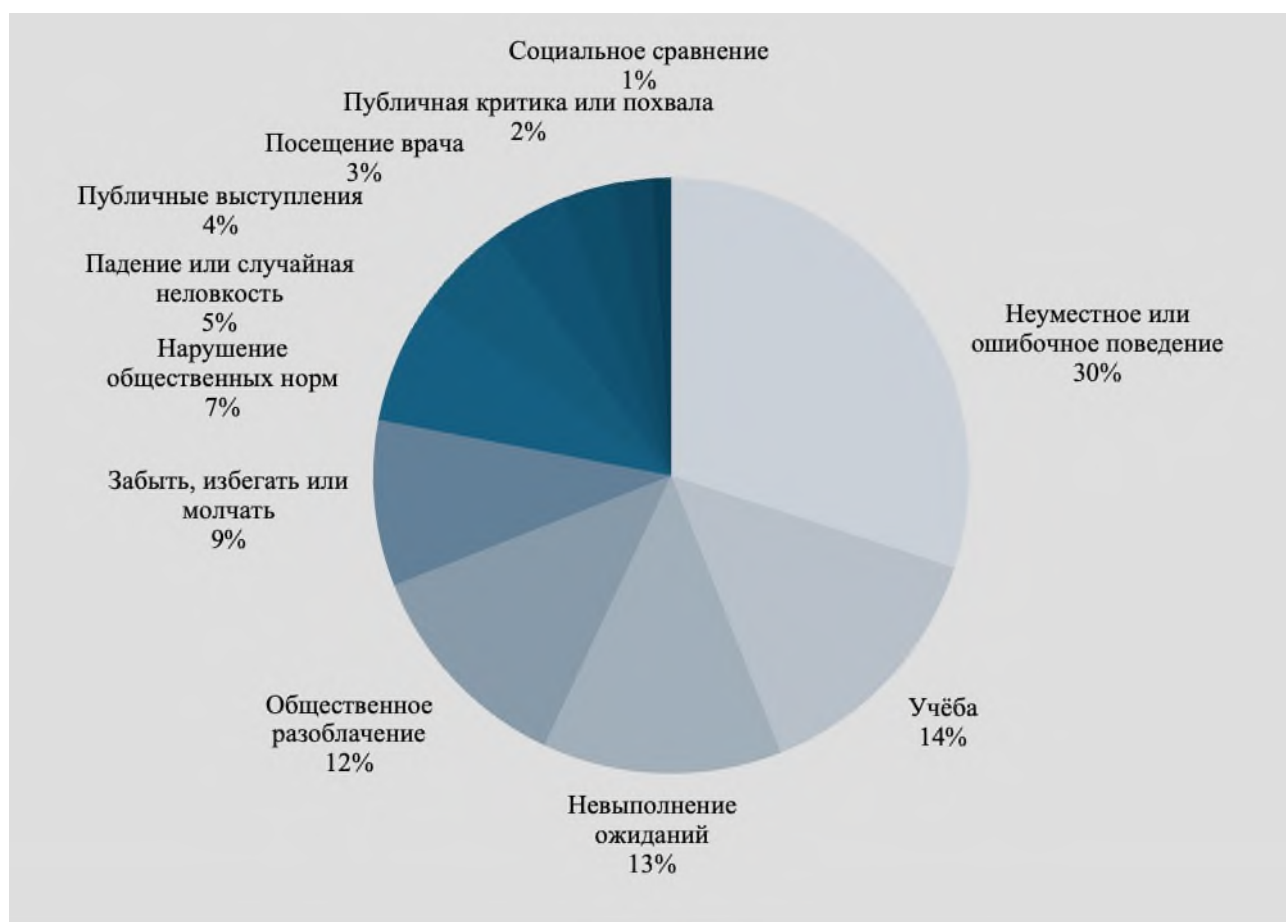

Рис. 5. Ситуации, вызывающие стыд у русских респондентов

На уровне реакций преобладают:

– поведенческие стратегии (50,7%): избегание (22,3%) – *хочется убежать, спрятаться, вести себя незаметнее, опустить голову/взгляд, закрыть щеки ладонями*; саморефлексия и исправление (9,5%) – *уйти в себя, осмыслить и не повторять, исправлять ошибки*; извинения/объяснения (6,8%), маскирующая улыбка/«сокрытие» (4,1%), агрессия как защита (3,4%), молчание (2,7%), поиск поддержки у близких (2,0%);

– физиология (27,0%): покраснение лица/щеки/ушей (12,2%), плач (4,7%), потливость (2,7%), дрожь (2,0%), головокружение/жар/«сжатие в голове» (2,0%) и единично – тахикардия, «замирание», запинки в речи, дискомфорт в животе, падение давления (по 0,7%);

– эмоциональные проявления (14,2%): тревога/страх (4,7%), вина/раскаяние (2,7%), печаль (2,7%), а также эпизоды спокойствия за счет самоконтроля, нервозность и «теряюсь»:

– психологические реакции (8,1%): неловкость (3,4%), желание скрыться (1,4%);

– игнорирование переживания (3,4%).

Таким образом, стыд у русскоязычных респондентов связан, прежде всего, с нарушением норм и несоответствием ожиданиям, остро переживается публично и телесно (покраснение), а основной ответ – «уйти», «скрыться», «осмыслить» и «по возможности исправить ситуацию».

В четвертом параграфе «Сопоставление ассоциативных репрезентаций эмоции «стыд» в современных русском и китайском языках» проводится сопоставительный анализ результатов ассоциативного эксперимента с носителями китайского и русского языков.

Сравнительный анализ ассоциативных полей, полученных в ходе опроса носителей русского и китайского языков, показал сопоставимые объемы их ядерных зон: 24,0 % – у русскоязычных информантов; 23,6 % – у китайскоязычных респондентов. В состав ядра ассоциативного поля у китайских респондентов вошли такие лексемы, как 尴尬 – «неловко», 害羞 – «стеснительный», 脸红 – «покраснеть», 羞愧 – «смущенный», 耻辱 – «позор», 丢人 – «осрамиться». В русской выборке ядро составили слова «позор», «неловкость», «страх», «смущение», «унижение».

Таким образом, в обоих языках ядро формируют ближайшие по значению синонимы и признаки концепта «СТЫД». При этом в китайской выборке отчетливо проявляется физиологический маркер эмоционального состояния – лексема «покраснеть» (脸红), что указывает на высокую степень телесной репрезентации концепта.

Анализ по частям речи выявил различия в способах языковой репрезентации эмоции. В русском языке преобладают существительные (76,5 %), отражающие восприятие стыда как статичного эмоционального состояния («позор», «неловкость»). В китайском материале чаще встречаются прилагательные и глаголы, включая устойчивые четырехсложные выражения (чэньюй), такие как 无地自容 («не знать, куда деться от стыда») и 面红耳赤 («покраснеть до корней волос»). Это свидетельствует о том, что в китайской культуре стыд осмысливается не только как внутреннее переживание, но и как форма поведения.

Оценочный компонент ассоциативных полей в обеих выборках преимущественно носит негативный характер, однако степень выраженности отрицательной оценки различается. У русскоязычных информантов отрицательная коннотация встречается в 80,3 % случаев, тогда как у китайских – в 72,2 %. Нейтральные реакции, напротив, значительно преобладают в китайской выборке

(26,6 % против 18,2 % у русских). Позитивные оценки в обоих корпусах крайне редки и, как правило, носят компенсаторный или защитный характер – выражаются через такие ассоциации, как «смех», «улыбка», а также указание на необходимость самокоррекции («стыд – то, что нужно преодолеть или исправить»).

Тематический анализ показал, что в обеих выборках значительную долю составляют ассоциации, относящиеся к синонимическому ряду (понятия «смущение», «позор», «неловкость») и сфере неприятных ощущений. Однако в расстановке акцентов наблюдаются межкультурные различия. Например, в китайском материале фиксируется выраженный блок, связанный с концептом «ЛИЦО» как социального имиджа (выражения: 丢脸 («потерять лицо»), 厚脸皮 («толстокожий», т.е. не способный испытывать стыд)). Также наблюдаются следы морально-этической риторики, укорененной в конфуцианской традиции. Встречаются и гендерно окрашенные ассоциации, включая упоминания женского пола (女性) и культурных табу, таких как стигматизация менструации.

Русская выборка, напротив, активнее включает социальные и ситуационные сюжеты: фигурируют слова «толпа», «публика», а также культурно-специфичное понятие «испанский стыд» – переживание за действия другого человека. Отдельной темой, хотя и представленной единично, становятся эмоционально окрашенные романтические ситуации, например, «встречать того, кто нравится».

Анализ описаний типичных ситуаций, вызывающих чувство стыда, выявил заметные различия между русскоязычными и китайскоязычными респондентами.

В китайской выборке наиболее частотными оказались следующие тематические группы: забывание, избегание или молчание в неловких обстоятельствах (18 %), физиологические потребности и телесные проявления (18 %; например, от непроизвольных звуков до пятен от менструации), публичная критика или, напротив, похвала (13 %), публичные выступления (9 %), нарушение социальных норм и правил поведения (8 %), а также несоответствие внешнему виду (8 %; например, «надеть брюки задом наперед», «ношенная обувь»).

В русской выборке лидирующие позиции заняли: неуместное или ошибочное поведение (30 %), учебная сфера (14 %; включая случаи списывания или опоздания), невыполнение ожиданий окружающих (13 %), публичное разоблачение (12 %) и уход от ответа или отказ от реакции (9 %).

Отдельные культурно значимые детали подчеркивают различия: так, в русской выборке отмечаются случаи, связанные с визитом к врачу (3 %), что может указывать на переживание стыда в контексте уязвимости или вторжения в личное пространство. В китайской выборке подобная тематика отсутствует, однако значительно чаще представлены телесные и внешне выраженные ситуации, связанные с физическим состоянием или внешним обликом, что в русской выборке практически не представлено.

Реакции на переживание стыда в обеих культурах представлены на рис. 6 и в целом демонстрируют сходство на уровне базовых физиологических маркеров (в частности, почти все информанты указывают на покраснение лица). Однако в распределении типов реакций наблюдаются и межкультурные различия.

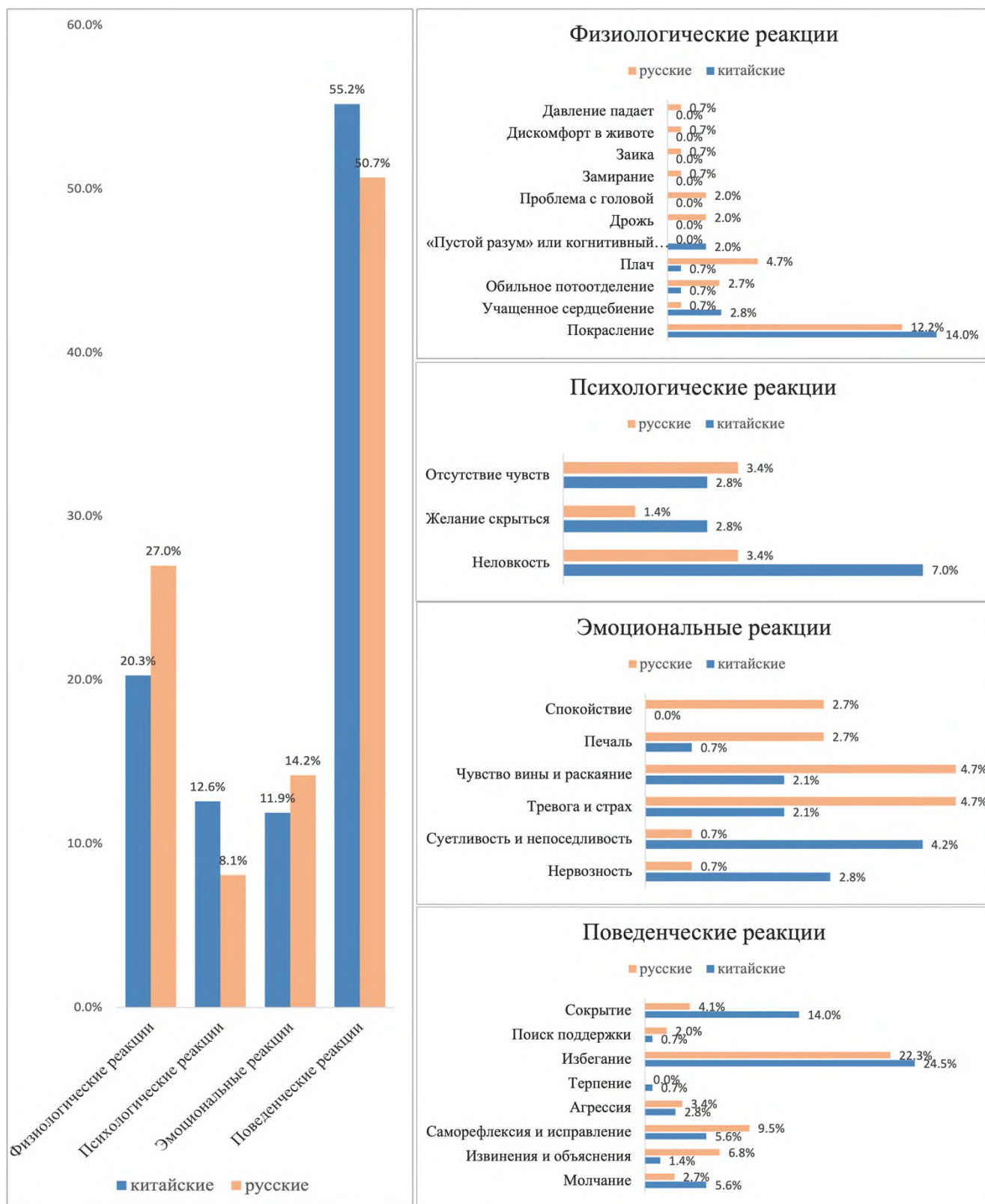

Рис. 6. Реакции русских и китайцев в ситуациях, вызывающих стыд

У русских информантов физиологические проявления (покраснение, слезы, потоотделение, дрожь) фиксируются чаще (27,0 % против 20,3 % у китайцев), в то время как китайские респонденты нередко описывают когнитивно-психологические реакции («замер мозга», «никакой реакции», «пережить с улыбкой»), что отражает внутреннюю регуляцию и контроль внешнего выражения эмоции.

Поведенческие стратегии в обеих группах в значительной степени схожи: и русские, и китайцы склонны избегать прямого конфликта, уходить от ситуации, скрыть источник стыда. Вместе с тем у русскоязычных респондентов чаще фиксируются акты саморефлексии, стремление к исправлению ошибок, готовность к извинению, в то время как китайские информанты чаще указывают на «спасительную улыбку», отказ от конфронтации и ориентацию на сохранение «лица».

В китайской выборке стыд наиболее тесно связан с идеей «сохранения лица», общественной репутацией и внешней социальной оценкой. Это находит отражение в акценте на телесных и поведенческих нормах, этикете, публичной критике и внешнем виде. Эмоция стыда в данном контексте функционирует как средство предотвращения потери достоинства и сохранения гармонии в социальном взаимодействии.

В русской интерпретации стыд чаще связывается с внутренним переживанием морального несоответствия, нарушением норм, ожиданий и обязанностей, а также с риском потери чести или «позора» в глазах других. Здесь эмоциональная реакция ориентирована не только на внешний социальный контроль, но и на личную рефлексию, самокритику и нравственную оценку собственных поступков, особенно в учебных, межличностных и этических ситуациях.

В обеих лингвокультурах стыд выполняет поведенчески-регулятивную функцию, обеспечивая ориентацию индивида на социально одобряемые модели поведения. Однако его положительная функция как нравственного сдерживающего механизма часто отходит на второй план на фоне преобладания негативных оценок, отраженных в языковом материале и опросных данных.

В **Заключении** подводятся итоги выполненного исследования, излагаются результаты и намечаются возможные перспективы работы, связанные с дальнейшим изучением лингвокультурной специфики эмоциональных концептов в русском и китайском языках.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

а) в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Хуан, И. Лексикографический анализ номинантов концепта «СТЫД» в китайском и русском языках / И. Хуан, Я.А. Волкова // Russian Linguistic Bulletin.

2023. № 9 (45). URL: <https://rulb.org/archive/9-45-2023-september/10.18454/RULB.2023.45.10> (дата обращения: 23.06.2025). DOI: 10.18454/RULB.2023.45.10.

2. Хуан, И. Метафорика стыда в китайском и русском языках / И. Хуан // Litera. 2024. № 4. С. 397–407. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70486.

3. Хуан, И. Национально-культурная специфика концепта «СТЫД» в русском и китайском языках: анализ ассоциативных полей / Я.А. Волкова, И. Хуан // Вопросы психолингвистики. 2025. № 1 (63). С. 62–79. DOI: 10.30982/2077-5911-2025-63-1-62-79.

4. Хуан, И. Репрезентация концепта «СТЫД» во фразеологическом фонде китайского языка / И. Хуан // Litera. 2025. № 6. С. 252–264. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74821.

б) статьи, опубликованные в иных изданиях:

5. Huang, Y. Comparing Chinese and English Language and Culture Differences From a Linguistic Perspective / Y. Huang, L. Xiao // Functional aspects of intercultural communication. Translation and interpreting issues: proceedings 2022. Vol. 9. М.: Российский университет дружбы народов, 2022. С. 244–248. ISSN 2686-8199.

6. Хуан, И. Проблемы перевода каламбура в текстах политического дискурса / С. Юань, И. Хуан // Язык. Образование. Культура: сборник научных трудов по материалам XVI Международной научно-практической электронной конференции. Курск, 23–26 мая 2022 г. Курск: Курский государственный медицинский университет, 2022. С. 115–118.

7. Хуан, И. Национально-культурная специфика восприятия стыда в китайской и русской лингвокультурах по данным ассоциативного эксперимента / Я.А. Волкова, И. Хуан // Теория речевой деятельности – новая парадигма в науке о языке: материалы XXI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации в преддверии 90-летия со дня рождения А.А. Леонтьева и к 90-летию со дня рождения Е.Ф. Тарасова (Воронеж, 5–7 июня 2025 г.) / ред. кол.: А.В. Рудакова (отв. ред.) [и др.]. Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2025. С. 129–130.

Хуан Ифань

(Китайская Народная Республика)

В диссертации проводится сопоставительное исследование концепта «СТЫД»/ «羞耻» в русском и китайском языках, основой которого стал ассоциативный эксперимент с носителями обоих языков. Полученные данные обрабатывались с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Были проанализированы особенности восприятия стыда, его оценка, поведенческие реакции, а также тематические ассоциативные поля. Экспериментальные результаты дополнены интерпретацией пословиц, фразеологизмов и метафор, отражающих телесную, эмоциональную и культурную природу данного переживания. Показано, что в китайской традиции 羞耻 связан, прежде всего, с понятием «лица» и социальной гармонией, тогда как в русской – с личной рефлексией и нарушением моральных ожиданий. Выявленные различия имеют прикладное значение для межкультурной коммуникации, преподавания РКИ и лингвистической теории эмоций.

Huang Yifan

(People's Republic of China)

The dissertation presents a comparative study of the concept «STÝD» (shame)/«羞耻» in the Russian and Chinese languages, based on an associative experiment conducted with native speakers of both languages. The obtained data are analyzed from the perspectives of cognitive linguistics and linguoculturology. The study examines the characteristics of shame perception, its evaluation, behavioral responses, and thematic associative fields. The experimental results are supplemented with the interpretation of proverbs, phraseological units, and metaphors reflecting the bodily, emotional, and cultural nature of this experience. It is shown that in the Chinese tradition, 羞耻 is primarily associated with the notion of «face» and social harmony, whereas in the Russian tradition *stýd* is linked to personal reflection and the violation of moral expectations. The revealed differences have practical significance for intercultural communication, the teaching of Russian as a foreign language, and the linguistic theory of emotions.